

КРОКОДИЛ

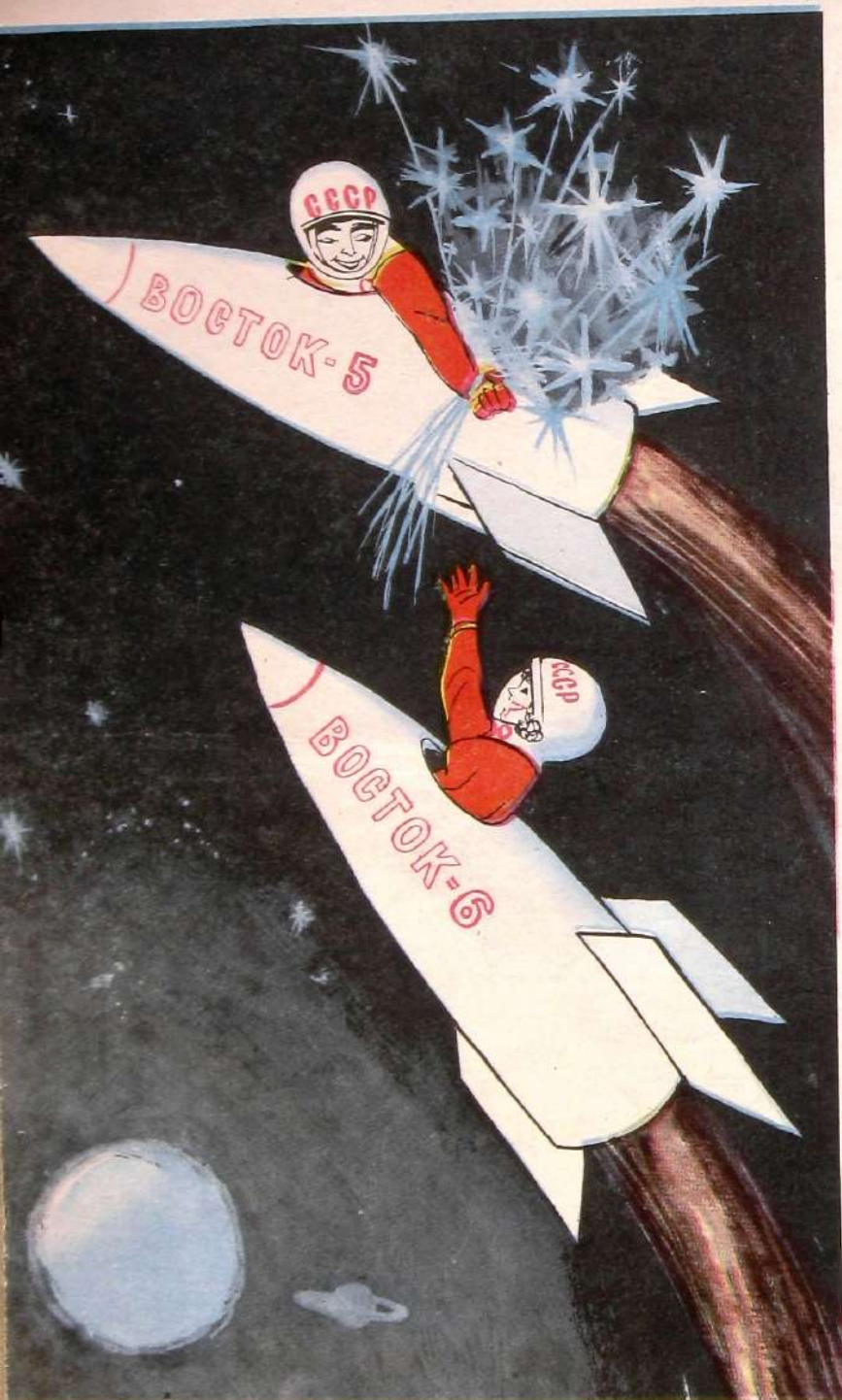
№ 18 (1704) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й • 30 ИЮНЯ 1963

—Где же теперь ваше преимущество в космосе?

Рисунок И. СЕМЕНОВА

★ КОСМИЧЕСКАЯ ★

Современный стиль свидания
На просторах мироздания,
На орбите звездных трасс
Практикуется у нас...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Сфотографировались на память.

Рисунок А. ЦВЕТКОВ

ТКАЧИХА НА ОРБИТЕ

Намотала клубок.

Рисунок Е. МИГУНОВА

— Что это старик прифрантился?
— Тетя в космосе!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

ПО-ДРУГОМУ ПЕСЕНКА ЗВУЧИТ...

Было время, парни поднимались
На машинах выше облаков...
А девчата дома оставались,
Дожидаясь верных пареньков.

А теперь дела переменялись:
Пролетев кометою во мгле,
Нынче ввысь девчата устремились,
Оставляя милых на земле.

И тогда веселые пилоты
Напевали песенку о том,
Что, мол, первым делом—самолеты,
Ну, а девушки,
а девушки—
потом.

И уже в космическом полете
Напевают песенку о том,
Что, мол, первым делом—
звездолеты,
Ну, а парни,
разумеется,—
потом!..

Тс-с-с! Тише, космонавт спит!

Рисунок Б. САВКОВА

— Сюда неинтересно... Вот бы узнать, где школа космонавтов!

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

— В магазин сходил, обед приготовил, пол вымыл, хватит, Наташа,—сегодня ведь не 8-е Марта!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Нехорошо опаздывать на службу, а еще комсомолка!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Домушник, как правило, работает от себя. Без каких-либо полномочий и заверенных подписями и печатями рекомендаций. Домушнику не выписывают командировочных, не бронируют номеров в гостиницах. Он сам по себе.

Иное дело — коммерческий посредник.

И хотя разница между ними только в том, что один охотится за личной собственностью зазевавшихся граждан, а другой — за собственностью государственной, коммерческому посреднику не в пример вольготнее.

Приходит, скажем, такой домушник... извините, коммерческий посредник в колхоз «Арасан», Алма-Атинской области, или колхоз «Гигант», Целинного края, или колхоз «Рубин» на Краснодарщине и говорит с порога:

— Здорово, председатель! Гвозди нужны?

— Нужны, дорогой, нужны! — выскакивает из-за стола председатель.

— Фанера требуется?

— Требуется, золотой, требуется!

— Электропровод, горбыль, запчасти?..

— Все нужно, дорогой, все требуется, бесценнейший!

— Выписывай тогда командировку.

— Куда прикажете, простите, не знаю вашего имени-отчества? — застенчиво румянясь, спрашивает председатель.

— Шрамченко. Николай Тарасович. Образование — два класса, ранее судим, проживаю в городе Талды-Курган, — дает необходимые анкетные сведения гость. — А двину я, пожалуй, в город Томск. Там сподобнее.

— Самолетом или в мягком изволите?

— Самолетом!

— Люкс в гостинице прикажете забронировать? Очень хорошо! Наличными сколько желаете? Чудесно! Итак, счастливого вам пути, ждем вестей и гвоздей. А также фанеры, пиломатериалов и всего прочего.

Подмахнув в колхозе «Арасан» один договор, Николай Тарасович спешит предложить свое коммерческое посредничество соседнему колхозу, «Заря коммунизма». Потом Николай Тарасович подписывает договор с хозрасчетной столовой № 1. Потом с «Зооветснабом». Потом со стройконторой.

Набив бумажник до отказа проездными и суточными, Николай Тарасович влезает, отдуваясь, в «ТУ-104» и, удовлетворенно ощупав комплект отмычек с печатями, то бишь командировочных удостоверений, доверенностей и трудовых соглашений, отбывает в Томск.

Вслед за ним бороздят в воздушных лайнерах облака другие домушники. Алексей Павлович Пашенко, тоже, как и Николай

Юрий БЛАГОВ

МОЖЕТ — ДА

Все уклады нашей лиры
Навлекают тьму обид,
Так что труженик сатиры
Иногда бывает бит.
В этом радость небольшая,
И пишу я свой куплет,
Никого не обижая...
(Может — да, а может — нет.)

Стал у нас деталью быта
Магазин без продавца,
Все в нем просто и открыто,
Все в нем радуется сердца.
Выходи в любые двери,
Выноси любой предмет,
Никакого недоверья...
(Может — да, а может — нет.)

Тарасович, ранее судимый и также представляющий сегодня «коммерческие интересы» Алма-Атинской области. Борис Владимирович Жилин, судим, ныне посредник ряда организаций Самаркандской области. Владимир Андреевич Тикунов. Михаил Константинович Барабашин... У каждого из них в кармане по 6—7 тысяч рублей колхозных денег на «представительство» и по набору все тех же отмычек с печатями. Тех узаконенных отмычек, которые нет надобности таить, как кустарю-домушнику, в руке пиджака.

— Так-с, — говорит директор Томского лесоперевалочного и деревообделочного комбината Зубрилин, беря со стола командировочное удостоверение Алексея Павловича Пашенко. — Посредничаєте, значит? От совхоза «Калининский», Алма-Атинской области? Чем могу служить?

— Лесу бы мне. Кубометров пятьсот, — хрипло молвит Алексей Павлович и ухмыляется, стаскивая с ноги сапог.

— Лес, дорогой мой, — материал фондовый. Отпускаем только в плановом порядке, — поясняет директор ЛПДК, настороженно присматриваясь к сапогу приезжего.

Приезжий между тем, развернув портянку, вытряхивает из нее на стол хозяина кабинета тысячу целковых.

— Будет сделано! — ласково улыбается директор, стряхивая целковые в ящик стола. — Пятьсот кубов ваши.

— Так и положено, — соглашается коммерческий представитель и едет в соседний город Асино.

Там, вытряхнув на стол директора Асинского ЛПДК Буцья новую отмычку — доверенность и очередную тысячу целковых, — Пашенко получает взамен письмо к начальнику управления лесоснабжения Томского совнархоза Ширяеву.

Еще одна доверенность, еще тысяча целковых, и Ширяев отдает распоряжение своему заместителю Артемьеву выписать наряд на тысячу кубометров леса.

Отмычка с печатями, подкрепленная портянкой с денежными знаками, действует безотказно.

— Нужны лесовозы? Пожалуйста! — Начальник центральной диспетчерской службы Томского областотреста Некрасов сует себе в карман очередную взятку.

— Ускорить погрузку? Да ради бога! — Начальник лесобазы № 2 Сизиков заворачивает в «подаренную» женскую кофточку взятые «взаимы» целковые из портянки.

— Железнодорожные вагоны? О чем разговор? — смахивает со стола новый куш директор Асинского ЛПДК Буцья.

Плановые заказчики обрывают телефон-

ные провода, засыпают совнархоз и комбинаты потоком писем и телеграмм, молят, требуют, просят выслать запланированный лес...

Тщетно.

Не хватает пиломатериалов. Нет лесовозов. Не подали вагонов.

Зато для коммерческих посредников, щедро разбрасывающих колхозные денежки, всего хватает, все есть. Только по «нарядам» Пашенко был отправлен алма-атинским «клиентам» эшелон из двадцати четырех вагонов!

Любопытно, что некоторые посредники из-за природной щепетильности действуют более тонко. Они не трясут в руководящих кабинетах портянками, не суют в нос пачки денежных купюр. Их стиль — услуги натурой.

Выслал, скажем, некий Шрамченко директору томской базы по сбору и реализации возвратной тары Рынкевичу и главбуху Данилову по бочонку соленых огурцов, маринованных помидоров да моченых яблочек. А они ему — пару плановых железнодорожных вагонов под лес. Одарил в другой раз салом и луком — они ему фиктивные счета на 30 тысяч рублей подмахнули.

Естественно, что все эти снабженные официальными полномочиями коммерческие посредники рано или поздно, как и их коллеги — рядовые домушники, попадают за решетку. Но речь в данном случае не о них.

Речь о тех, кто продолжает как ни в чем не бывало снаряжать в путь все новых и новых жуликов с авансами на взятки.

Разве не ясно было, например, директору совхоза «Джатынгенский» тов. Алексееву, куда пойдут 7 тысяч рублей, выданных одновременно «посреднику» Тикунову? Разве не ясно было, как использует «посредник» Пашенко выписанные на его имя документы и доверенности?

Алексеев отлично понимает, что пиломатериалы — товар фондовый и распределяется в плановом порядке, понимает и тем не менее с легким сердцем выписывает ранее судимому, нигде не работающему Пашенко доверенность «на право заключения договора о заготовке и поставке 1000 кубометров делового леса совхозу».

Разве не понятно заместителю директора совхоза «Рославльский» Гекле, что выданные им мошеннику Барабашину документы и 5 тысяч рублей подотчетных будут использованы в качестве отмычки к государственному сейфам, включая и сейф совхоза?

Очень понятно. Не такой Гекле наивный человек, чтобы думать, будто барабашины и пашенки станут на эти деньги «заготавливать» деловой лес из старых ящиков и бочек.

Не пора ли наконец закрыть шлагбаум? И для тех, кто орудует отмычками с печатями, и для тех, кто их таковыми снабжает!

Г. СОМОВ,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Томск.

— Что же вы не здороваетесь, ребята?
— Петр Иванович, так ведь каникулы...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

А МОЖЕТ—НЕТ...

Выбрать мебель в магазине
Помогли мне продавцы,
Я скажу о них и ныне —
Это просто молодцы:
Пять ключей мне дали к шкапу,
Каждый вытерли предмет,
Ничего не взяв «на лапу»...
(Может — да, а может — нет.)

Издан был для ресторанов
Замечательный приказ:
Можно водки брать сто граммов —
И довольно... в самый раз...
И доныне в ресторанах,
Вот уже немало лет,
Никогда не встретишь пьяных...
(Может — да, а может — нет.)

Семицетов вырос за один день. Впрочем, так оно нередко бывает. Сидит человек в низах, на скромной должности, за скромным узким столом с одним телефоном — и вдруг его вызывают наверх...

Он идет наверх и вниз не возвращается. Он оставлен там, наверху. Ему предложены высокая должность, широкий стол — и на нем уже не один, а три телефона.

Нечто подобное произошло и с Семицетовым. Правда, его не так уж резко повысили. Но все-таки... Был заведующим клубом, стал начальником управления культуры.

Будучи вызван «наверх», он имел несколько бесед.

Сначала с товарищем Пяткиным, который сказал, что он проведет Семицетова к товарищу Коленкину. Потом с товарищем Ручкиным, который внимательно прочитал анкету, поговорил с Семицетовым о жизни, о погоде и в конце заключил:

— Так вот, мы вас выдвигаем.

Последняя встреча происходила в кабинете товарища Лобова.

Лобов анкеты не читал: ему было достаточно короткого доклада Ручкина. Говорить с Семицетовым ему было некогда: звонили телефоны.

После того, как Семицетов прослушал несколько телефонных разговоров, Лобов поднялся с кресла и пожал Семицетову руку. Это означало: все, вопрос решен.

Семицетов вышел из кабинета Лобова вместе с Ручкиным. Когда оба оказались в коридоре, Ручкин облегченно сказал:

— Ну вот, все в порядке. Работайте. И прежде всего — подберите крепкие кадры. У вас много вакансий.

Их оказалось действительно много: вместе с предшественником Семицетова из управления была уволена целая группа сотрудников. Как выяснилось, работники они были не дипломы и характеристики, а телефонные звонки. Разумеется, не всякие, а только сверху.

— Оформите инструктором Марью Ивановну. Хорошая женщина, жена Ивана Ивановича.

Но вот Ивана Ивановича сняли, имя его уже перестало быть священным, и пришел Николай Николаевич. По фамилии Лобов.

Борис ЕГОРОВ

ТУДА И ОБРАТНО

РАССКАЗ

— Спит наш отдел культуры, перешерстить его надо, — сказал Лобов.

И перешерстили. Начальником в результате стал Семицетов.

Первые дни он от зари до зари проводил в своем новом кабинете: курил, думал, как подобрать кадры.

Но очень долго думать ему не дали.

Позвонил Лобов:

— Возьмите к себе в управление товарища Ручкина. Хорошая женщина, жена товарища Ручкина. Занималась домашним

хозяйством, теперь хочет гореть на работе. К культуре тянется. Надо поддержать.

Потом позвонил Ручкин:

— Зачисли Коленкину. Энергичная девушка, дочка товарища Коленкина. Литературу любит и вообще...

А дальше и от Коленкина звонок был:

— Пяткину прими, пожалуйста. Есть такое мнение. Найди местечко. Сноха его, понимаешь...

Куда было деваться Семицетову? И он зачислял, оформлял, находил местечки. Да иначе и не поступишь: Лобов поддерживал Ручкина, Ручкин — Коленкина, Коленкин — Пяткина. И все вместе — Семицетова. Но управление культуры должно было еще и работать. А работать оно не могло.

— Слушай, Семицетов, — звонил Лобов, — дай, пожалуйста, жене Ручкина отпуск на пару недель. Для ухода за мужем.

— Семицетов? Ручкин говорит. Освободи-ка на десяток дней Коленкину. Сам он в командировку едет. Хочет и ее прихватить.

А со снохой Пяткина положение создавалось еще более сложное: Пяткину надо было освободить сразу на несколько месяцев, ибо — о, какой это был сюрприз для начальника управления культуры! — ей полагался декретный отпуск.

Семицетов тяжело вздыхал, подписывая приказы: кто же работать будет? Но тут ему приходила успокоительная мысль: а больше ли пользы, если все его сотрудники не гуляют, а числятся действующими единицами? Толку все равно нет.

Ручкина действительно тянуло к культуре и посему часто отлучалась в косметический кабинет. Коленкина ежечасно демонстрировала свою любовь к литературе и не расставалась с журналами. Журналы были разные: «Годы и моды», «Манекены и ламбрекены».

А Пяткина заинтересовалась наукой. Не вообще, а медицинской.

— Где же у нас Пяткина сегодня? Время к обеду, а ее все нет.

— К врачу побежала. Тут светило какое-то новое объявилось. Ужасно любит она с ними советоваться.

— Ну и работнички! — сокрушенно вздыхал начальник.

А потом ему надоело вздыхать. Ему захотелось призвать работников к порядку, объяснить им, что люди они ответственные и трудятся не где-нибудь, а в управлении культуры.

Ближайшим поводом к такому разговору послужило письмо из колхоза.

«Уважаемый тов. Семицетов, — писал автор, молодой агроном. — Я послал Вашему управлению письмом, в котором делился некоторыми мыслями о пропаганде живописи. И зачем я только делился! Прочитав ответ, подписанный тов. Пяткиной, я понял, что писал не туда. Объясните тов. Пяткиной, что эпохи Росинанта не было. Была эпоха Ренессанса. А Росинант — это лошадь Дон-Кихота...»

Семицетов рассвирепел. Он вызвал Пяткину и долго объяснял ей, в чем отличие лошади от эпохи. Не преминул сказать нелицеприятные слова и о трудовой дисциплине.

Эта беседа несколько омрачила настроение других сотрудников отдела. А потом и настроение Семицетова.

Начальника управления культуры пригласил к себе сам товарищ Лобов.

— Плохо действует ваше управление, — сказал Лобов. — Не развинулись, понимаете. Спите, как говорится.

— Да я... да мы... — пытался оправдаться Семицетов, но Лобов его не слушал.

— Вы даже с коллективом не сработались. Народ недоволен вами. Не умеете вы работать с народом...

...Семицетов вырос за один день: был заведующим клубом, стал начальником управления культуры. Снизу пошел «наверх».

После беседы с товарищем Лобовым он совершил обратный путь: сверху — вниз. Хорошо, что место заведующего клубом оставалось еще не занятым.

СЕМЕЙНАЯ ЭСТАФЕТА

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

А ЗАРПЛАТА ИДЕТ...

Конференция явно затянулась. Участники, ненароком попавшие на передние места, с завистью оглядывались: сидящие в задних рядах могли хоть выскочить на крылечко совхозного клуба глотнуть свежего воздуха.

Сообщение председателя о том, что заключительное слово по первому вопросу имеет директор Михаил Григорьевич Скоропупов, вызвало сдержанный вздох облегчения. Все-таки хоть один вопрос позади.

Голос Михаила Григорьевича переливался раскатами весеннего грома:

— Как мы работали прошлый год, товарищи? Вопрос. Ответ: плохо. А почему? Вопрос. Ответ: не бережем рабочее время. День, он год кормит. Рабочее время мы должны использовать как? Вопрос. Ответ: все отдать производству до минуты!..

Тем временем за кулисами председатель собрания В. Г. Довженко, вызванный туда настойчивым шепотом, отбивался от наседавших на него участников конференции.

— Василий Гаврилович, голубчик, отпусти душу на показание! Седьмой час здесь сидим, а ведь телят поить надо!..

— Всех поить надо.

— Товарищ Довженко, у нас на ферме опорос идет...

— У всех опорос идет...

Более настойчивые — бригадир свинофермы Савельева и ее сотоварка Сметанина — отнесли председателя за театральный задник, и Василий Гаврилович сдался.

— Я тебе сейчас, Сметанина, слово дам вне очереди. Ты давай, нацеливай собрание, как беречь рабочее время. Отговоришь свое — и отбывай на ферму.

Между тем в зале постепенно нарастала тревога за оставленных без присмотра на фермах буренок и хрюшек. Стараясь скрыться от всевидящих очей президиума, полусогнутые фигуры потянулись к выходу.

Когда наконец поздно вечером профсоюзная конференция по итогам не слишком успешной прошлогодней работы была благополучно закончена, разомлевшие от речей руководители задержались на сцене.

— Пожалуй, прошло на уровне, —

внушительно заметила председатель рабочкома М. Г. Голубкова. — Одно нехорошо: нет у некоторых уважения не только к профсоюзной дисциплине, но и к вам, Михаил Григорьевич.

— Это почему же? — насторожился Скоропупов.

— Очень просто. Вы, можно сказать, директор, и то самолично просидели здесь почти с утра, целый день, а какие-то доярки-свинарки поторопились уйти. Не то что меня, и вас не побоялись.

— Думаешь, так? — насупился директор. — Ну, ладно. Профсоюзу надо помогать массы воспитывать. Я утром приказ набросаю, а где будут точки, там ты фамилии вставишь. Ясно?

На следующий день во все отделения совхоза был срочно разослан суровый документ:

Приказ
по совхозу «Талдом» Дмитровского производственного управления № 308, гор. Талдом. 29 марта 1963 г.

Приказом дана установка всем прибывшим оплачивать зарплату. Рабочим и служащим, работающим сдельно по среднему заработку, состоящим на окладе дневную ставку по тарифу. Совещание или конференция в связи с этим является рабочим днем, поэтому уход с конференции считается уходом с работы. За время работы конференции управляющие отделениями тт. Лысенко В. П. и Зубков А. Н. ушли с конференции, также ушли с конференции тт. Савельева, Соболева, Сметанина, Кустова.

Приказываю рабочим и служащим тт. Лысенко, Зубкову, Савельевой, Соболевой, Сметаниной, Кустовой, Кудряшеву, Блинову за 28 марта 1963 года не выплачивать.

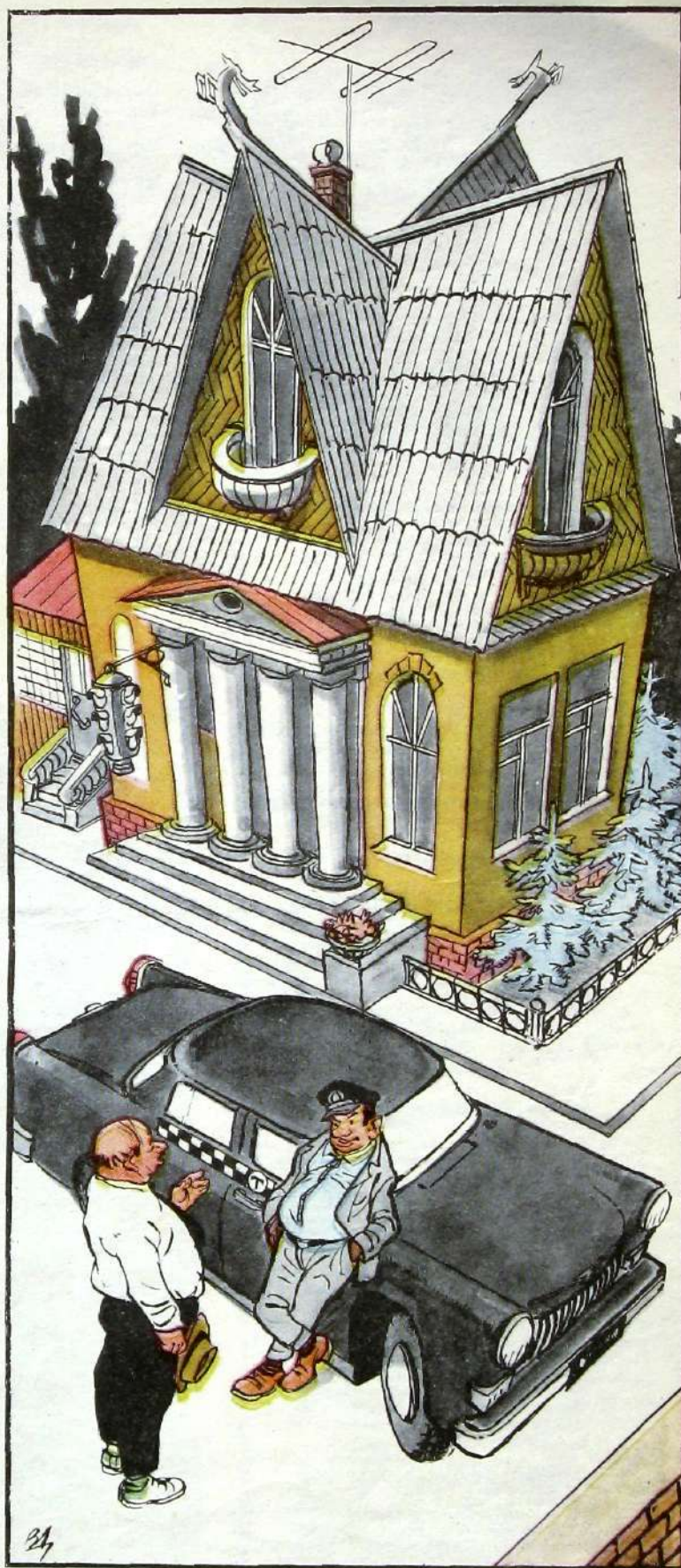
Директор совхоза М. Скоропупов.

В беседе со мной Михаил Григорьевич с подкупающей откровенностью заявил:

— Подписывал такой приказ, помню... Все правильно. Раз деньги за сидение на собрании платим, — значит, сиди, сколько положено.

К. ОБОЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Талдом.

— И сколько стоила тебе эта дачка?
— Не знаю, я без счетчика работаю.

Папаха

Мама и Хажимусь
Ждут у двери два часа.
Там за дверью у стола
Дяденька вершит дела.
Вот заходят в кабинет:
— Добрый день!
А им в ответ:
— Что вам надо? —
Важный дядя
Пробурчал, на них не глядя.
Он на всех людей сердит:
Все стоят, а он сидит.

...Шумной улицей прямой
Мать и сын идут домой.
Говорит он:
— Не пойму,

Что ты сделала ему:
Про здоровье не спросил,
Сестя на стул не пригласил,
«Ты» сказал он вместо «вы»
И не поднял головы!

И сказала мать в ответ:
— Головы у дяди нет.

Даже вскрикнул сын от страха:
— А на чем была папаха?!
— Ни на чем! — сказала мать...

...Как нам это понимать?

Перевели с кабардинского
Ю. ДАНИЭЛЬ и Ю. ХАЗАНОВ.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Христос в Алабаме

«В воскресенье негры предприняли попытку, уже не первую, присутствовать на богослужении в церквях для белых. Но сегрегация в христианских церквях Бирмингема соблюдается почти столь же сурово, как и в общественных уборных: негров пустили только в четыре из семнадцати церквей города».

Американский журнал «Тайм».

«Все же от бога...»

(2-е послание апостола Павла коринфянам, глава 5, стих 18).

Господа христиане нашей планеты!
Имя Христа

при вас назови —
И сразу услышишь, что има это —
Символ свободы, добра и любви.
Что людям Земли простирают объятия
Церкви христовой отцы и сыны,
Что все христиане — друг другу братья
И перед господом все равны...

Ну что же!

Проверим,

какие деянья
Елейная речь на Земле родила.
Давайте посмотрим сейчас, христиане,
Как ваши слова

претворились в дела.
Чтоб все увидели своими глазами
Все то, что нельзя опровергнуть ничем,
Побудем

в Юнайтед Стейтс,

в Алабаме,
На улицах города
Бирмингем.

Глядите!

Пред нами развернутый свиток
Божественных дел христианской любви:
Вы видите трупы, орудия пыток,
Сожженный квартал, мостовые в крови...
Легко убедиться, что ангельски жарок
Молиственный пыл крестоносных вояк.
Вот здесь

на людей натравляли овчарок,
ЛЮБОВЬ насаждая кликами собак,
Вон там

избивали с усердием не меньшим,
Давили, тиранили, гнали, как скот,
Младенцев и школьников, старцев и женщин,
Понятие БРАТСТВА внедряя в народ.
Здесь ребра сломали и скулы свернули
Христовым собратьям, что кожей черны.
Им всем разъяснили

брандспойты и пули,
Насколько перед господом все равны.
Прелестное РАВЕНСТВО выдали черным!
Им доступ закрыл христианнейший босс
И к школам для белых и к общим уборным,
Приравненным этим запретом позорным

К церквам,
где считается богом Христос.
Страну на Земле
полноправней, свободней,
Чем Стейтс оф Америка, ну-ка найди,
Коль в ней,
опираясь на имя господне,
Сумели наладить режим преисподней
Жестоким звери с крестом на груди.
Ну что им страданья, и горе, и слезы
Собрата по церкви и вере одной!
Не терпят они ни малейшей угрозы
Их деньгам, их спеси, их власти земной.
А миру трущоб,
обитателям хижин,
Всем тем, кто у рабства сидит на цепи,
Кто беден, кто черен, бесправен, унижен,
Кричат они

слово Христово:

— ТЕРПИ!
За рабскую долю земную твою
Ты «прибыль» получишь
на небе, в раю...

На ад Бирмингема,
клокочущий ядом,
Глядят, как слепые, владыки страны.
Поставить преграду подобному аду
Им некогда.
Им — христианам — нужны
Полки самолетов, подлодки, ракеты,
Орудия Гибели, Смерти и Зла,
Чтоб атомной смерч
населенье планеты

Во славу их господа
выжиг дотла.
Сердца христиан в Вашингтоне, в Нью-Йорке
Ничуть не тревожит расистский разбой.
Они лишь тогда беспокожны и зорки,
Когда пролетарий выходит на бой,
Коль белый и черный, рабочий и фермер
Встанут на защиту поруганных прав.
Такой не дозволенной господом скверны
Не может стерпеть Уолл-стритский Удав...

Что ж!

Есть и такие в стране христиане,
Что искренне верят в ученье Христа.
Но это ученье

жестоким молчаньем
Сковало таким правдолюбцам уста.
Ведь сделано господом
все, что ты видишь,
А видишь сейчас Бирмингем пред собой...
Сказавши: «Вот мерзость!», —
ты бога обидишь,
Промолвив: «Терпите!», —
одобришь разбой...

О люди! Взгляните
пристрастно и строго,
Каков на поверку прославленный бог.
Ведь если
резня в Бирмингеме
от бога,
Любому понятно,
что бог жесток.
Коль был бы он добрым, он мог —
всемогущий —

Этот снимок обошел всю мировую печать. Ревностно претворяя в жизнь священный принцип «Возлюби ближнего своего», алабамские полицейские буквально душат в объятиях своего чернокожего брата во Христе.

Не только сорвать бирмингемский грех,
Но сделать всю жизнь
беспечальной, цветущей,
Свободной, и сытной, и доброй

для всех.
А он опекает властителей денег,
Погрязших в роскошестве, гнусности, зле.
А бедным он выдал

оковы смиренья,
Им долю рабов утвердив на земле.
Все в мире от бога! Тогда непреложно,
Что это всеблагостным богом даны
Все прелести голода, жизни острожной,
Наскля и Лжи, Нищеты и Войны.
Всю правду о боге

открыто и прямо,
Жестоко и зримо поведала всем
Вся жизнь,
а не только одна Алабама,
Вся жизнь,
а не только один Бирмингем.

...Есть богу полюбу
лишь в том оправданье,
Что в мире
и не было бога

и нет.
«Наш бог существует!» — твердят христиане.
Тогда перед миром

пусть держат ответ
За все Алабамы шара земного,
За все злодеяния Гнета и Тьмы,
За службу владыкам мешка золотого,
За проповедь бедным смиренья слепого,

За ханжество пышного, дживого слова,
Что душит людские сердца и умы!

...Вот мы атенцы.

Мы в бога не верим.
Не верим в Аллаха, Егову, Христа.
Мы верим в людей.

Мы сильны их доверьем.
И совесть у нас перед ними чиста.
Нам труженик дорог. Мы трудимся сами.
И люди труда — наши братья навек.
Все сделано в мире людскими руками!
Все движет умом и трудом

человек!

Все в мире творится не богом, не чудом,
А им — человеком, идущим вперед.
Хоть путь у него и огромен и труден,
Под знаменем,

Лениным аверенным людям,
Он выстроит мир без рабов и господ.
Лишив угнетателей силы и власти,
Изгнав тунеядцев, погрявших во зле,
Создаст он Свободу, и Братство, и Счастье
всего человечества.
Здесь! На Земле!
И в мире,

где станут народы
друзьями,
Того не увидено будет никем,
Что было
в Юнайтед Стейтс,
в Алабаме,
На улицах города
Бирмингем.

РОКФЕЛЛЕР СКУПАЕТ РЕЧИ

Нью-Йорк. Нельсон Рокфеллер мечтает о президентском кресле. Готовясь к избирательной кампании, он уже нанял десятки писателей, сочиняющих для него пламенные речи, душеспасительные воззвания и остроумные «экспромты», которыми он намеревается блеснуть на встречах с избирателями. Некоторые консультанты Рокфеллера советовали ему приобрести у Никсона речи и реплики, использованные во время предыдущей кампании. Надо думать, что Никсон уступил бы этот утиль за бесценок.

ТОЧНЫЙ ВЫВОД

Париж. Французский священник Кольяр решил изучить характерные особенности современных танцев. С этой целью он обошел ряд баров и ресторанов, понаблюдая, как танцуют твист и рок-н-ролл, и пришел к следующему заключению: «Зады развлекаются, а лицам скучно».

ЛЮДОЕДЫ ПОПЕРХНУТСЯ

Лондон. Лорд Шеклтон, выступая в палате лордов по вопросу о наличии ядовитых веществ в продуктах питания, заявил, что особенно опасны в этом отношении американские продукты. «Я подозреваю», — сказал лорд, — что американцы уже несъедобны для людоедов».

РАД БЫ, НО...

Нью-Йорк. Мистер Хефнер, владелец многочисленных заведений с «исключительно дамским обслуживающим персоналом», предстал перед судом по обвинению в даче щедрых взяток нью-йоркским муниципальным чиновникам. «Право, я не виноват», — заявил Хефнер. — Когда я хотел отыскать хотя бы одного честного чиновника, я просто не знал, к кому обратиться».

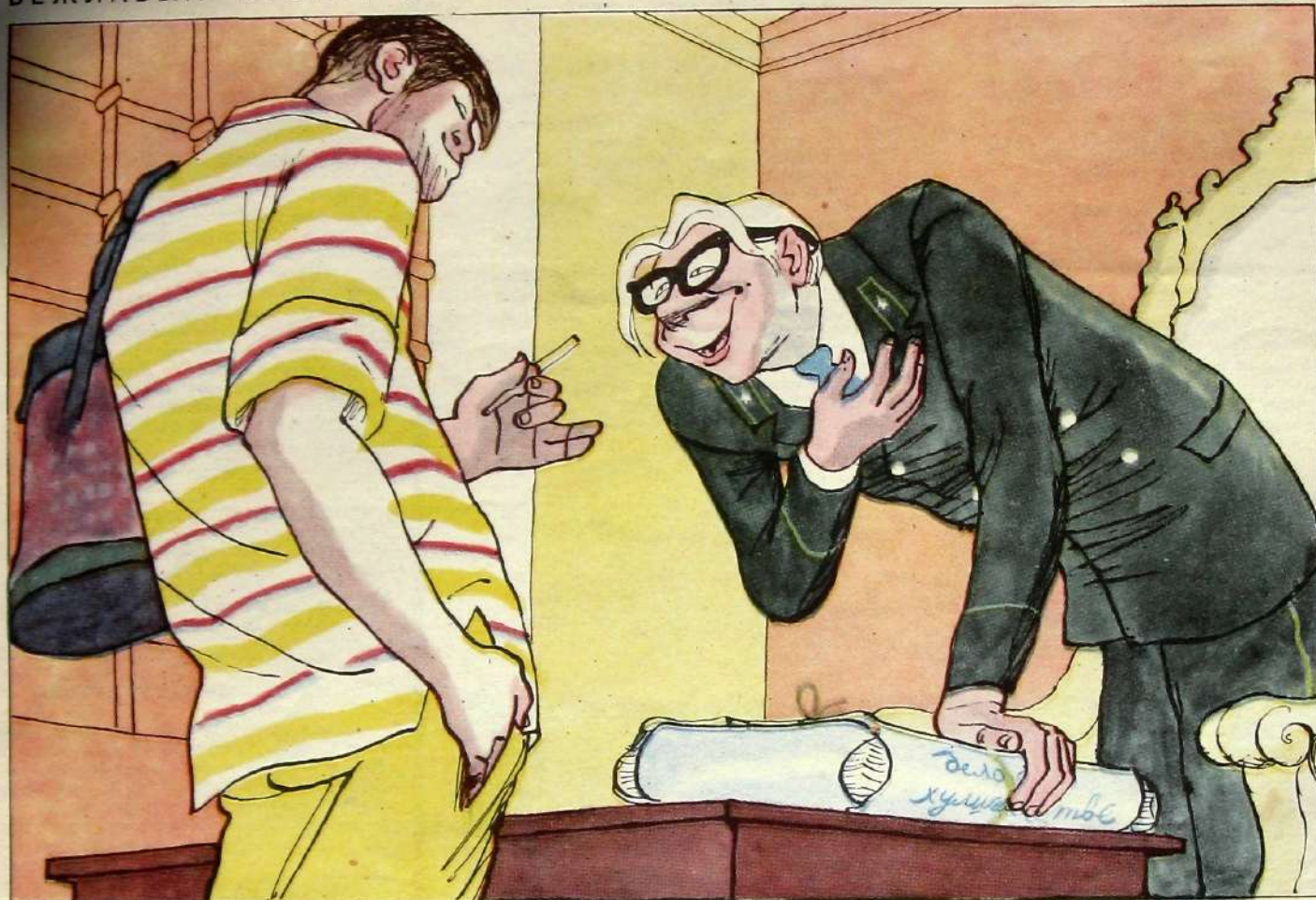
ЯДЕРНЫЕ СКАЗКИ

Лондон. Английский журнал «Тудей» возвестил, что стронций-90, остающийся в атмосфере после ядерных взрывов, чудесным образом подействовал на одного семилетнего мальчика: малыш за одну ночь фантастически поумнел и стал понимать вещи, недоступные даже уму взрослого. Таким образом, «Тудей» подсаживает читателю вывод, что ядерные испытания — путь к массовому производству гениев. Однако, судя по этой заметке, страх перед запрещением ядерного оружия вызывает у некоторых западных журналистов обратную реакцию — полное упомпращение.

ВКЛЮЧАЯ ТРУПЫ...

Йоганнесбург (ЮАР). Министерство здравоохранения Южно-Африканской республики издало приказ, по которому студентам-неграм в категорической форме запрещено изучать анатомию на трупах белых людей. Больше того, согласно этому приказу, поступающие в анатомический театр трупы белых и черных должны содержаться и препарироваться строго раздельно, а черным студентам-медикам вообще категорически запрещено переступать порог морга для белых. Со дня на день здесь ожидают постановления о раздельном содержании на том свете душ усопших.

— Садитесь, я вас ненадолго задержу...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Бухгалтер Вера Семеновна появилась как-то под руку с бравым молодцем. Молодец был гренадерского роста, с ослепительной улыбкой и добрыми, мягкими глазами. На голове у него красовалась овечья морскими ветрами капитанская фуражка с крабом.

— Вот встретила хорошего человека, — потупившись, сообщила Вера Семеновна знакомым. — Замуж выхожу... Владимир Иванович, между прочим, знаменитый китобой!

— Фамилия-то у него какая? — поинтересовались знакомые. — Может, и читали в газетах.

— Гм... — замямлась Вера Семеновна. — Действительно, Владимир, какая у вас фамилия?

Знаменитый китобой застенчиво улыбнулся.

— Разве в фамилии дело? Зовите меня просто Вовик.

На вечерних рандеву жених рассказывал о штормах, коралловых рифах и, естественно, о китах.

— Ус у них большой. Китовый. И ростом разные. Помните, близ Кейптауна загарпунил я двоих...

Вскоре китобой окончательно переселился к Вере Семеновне. Со всем своим скарбом: домашними туфлями, зубной щеткой и старинной шляпой с надписью «Толедо».

— О, эта шляпа! — воскликнул он, поцеловав эфес. — Ее подарил мне индийский принц. Несчастный погибал среди акул в Индийском океане, а я тут как тут...

Жених с сожалением посмотрел на свой потрепанный костюм и добавил:

А. ХОДАНОВ

НА УДОЧКУ С КРАБОМ

— Перевод я получить должен. Десять тысяч. И все не шлют. Бюрократы. Вчера пробовал душить кассира — не помогло. Костюм купить надо. Грешно носить шпагу при таком костюме.

Вера Семеновна понимающе кивнула. И выложила деньги на бочку.

Получив триста рублей, китобой вышел на улицу, где и повстречал заведующую химчисткой Аглаю Никифоровну.

— Розы, — сказал он, приподняв капитанскую фуражку с крабом. — Такая женщина, как вы, любит розы, Нептун меня побери! Подождите на углу.

Потом китобой куда-то исчез, но вскоре появился вновь с огромным букетом роз.

— Я человек прямой, — начал китобой. — Сказал — загарпунил. Свяжемся морским узлом, а?

— А я женщина честная, — обиделась Аглая Никифоровна. — Я только через загс свяжусь.

— Ну загс так загс, — вздохнул китобой. — Пошли.

Вера Семеновна была забыта. В утешение ей остались домашние туфли, зубная щетка и старинная шляпа с надписью «Толедо».

Через пару дней Владимир повел свою новую супругу на Ленинский проспект.

— Видишь этот дреднот? — показал он на только что отстроенный дом. — А теперь посмотри на шесть иллюминаторов, что на третьем этаже. Это наша каюта. А сейчас дай мне немножко денег — мастику купить, пол натереть. Десять тысяч завтра получу: сегодня недосуг.

Китобой вернулся домой поздно вечером. Вошел в комнату, едва волоча ноги.

— Литр вып... вылил на паркет этой мастики — и все м-мало... — пробормотал он и свалился на пол от усталости.

Утром Владимир озабоченно сказал:

— Уезжаю в Ригу. Зачем? Военно-морская тайна. Спецзадание, связанное с китами. Дай пока восемьсот рублей. Вернусь — получим наши десять тысяч.

Вместо Риги капитан прибыл на станцию Болшево, Московской области. Разыскал нужный дом, радостно ворвался в квартиру и, стиснув могучими руками двух стариков, просто сказал:

— А вот и я.

— То есть к-как я? — ахнули старики.

— Да я же это, я! Я ваш сын Вовик.

— К-какой... Вовик?! — изумились старики.

Тогда китобой выложил на стол свой паспорт и показал штамп регистрации брака.

— А разве не может быть сыном муж вашей любимой племянницы Аглаи Никифоровны? Я ведь прошу немного — только пятьсот рублей. Сами понимаете: мебель, такси, медовый месяц...

Старики торопливо выложили из заветного места пятьсот рублей, и капитан благополучно отбыл в неизвестном направлении.

Больше знаменитого китобоя никто не видел.

Вера Семеновна и Аглая Никифоровна долго плакали. Выплакавшись, они писали письма во все китобойные флотилии. Безуспешно. Капитан как в воду канул.

Сведения о рейсах этого морского волка, впрочем, начали потихоньку просачиваться в милицию. Листик за листиком росло дело некоего Владимира Костюкова. Биография морского волка оказалась отнюдь не морской, но волчьей.

В сорок первом он поступил в базет. Потом стал бродяжничать. Воем от времени поворачивал и коротал дни в специальных местах. А в пятьдесят шестом купил капитанскую фуражку с крабом и ушел на жениховские промыслы.

Он весь как на ладони, этот универсальный альфонс. И просто диву даешься, как на удочку с тухлым крабом на крючке могли клюнуть отдельные легковверные граждане.

Это рассказ не обо мне, а то было бы очень неудобно. Я женат, у меня есть дети. Это рассказ о ком-то другом, у которого тоже есть жена и дети, но он не я, а другой. И все, что здесь рассказано, рассказал он.

* * *

...И вот я встречаю ее однажды.

Черный строгий костюм плотно облегал ее чуть пополневшую фигуру, такие нравились моему делу, и такие с ума сводили моего отца, — и перед такой женщиной дух захватывает у внука моего деда, сына моего отца.

А под костюмом красный джемпер. Страшная штука эти джемперы. В обтяжку да еще и красные. Категорически следовало бы запретить носить подобные вещи.

— О, это ты!
— О, ты!

Порою случается, побудут люди где-то вместе, а потом один ушел в одну сторону, другой — в другую. Четыре стороны у света, и восемь, и шестнадцать... И в каждой стороне семьдесят семь тысяч городов и сел... И я говорю:

— Давно мы не виделись.
— Давно, — говорит она.
— Очень давно.
— Очень.

И замолчали.

Я только смотрю: черный шерстяной костюм плотно облегал чуть пополневшую фигуру, такие нравились еще моему деду, и такие с ума сводили моего отца...

Я только смотрю: джемпер под костюмом. Да еще и красный...

И в глаза смотрю — прямо в зрачки, ибо я честный человек и могу любому посмотреть в глаза прямо.

Я смотрю в ее глаза — большие, черные, лукавые, о таких глазах песни слагал мой прадед-гусляр, ради таких глаз дед мой убил человека, с ума сходил по таким глазам мой отец; черные, большие глаза, они и у правнука моего прадеда, внука моего деда, сына моего отца вызывают такое возмущенное чувство, что в эти глаза я мог бы, не отрываясь, смотреть часами.

— Мне действительно приятно, что мы увиделись, — говорит она.

— И мне очень.
— А никогда не встречаемся...
— Никогда.

Никогда... Должно быть, за этим словом скрывалась пустота, никаких стремлений, никаких страстных желаний, ибо будь у внука моего деда, сына моего отца страстные желания, они сами должны были бы заставить его искать встречи, добиваться свидания. О внук моего деда, сын моего отца, и ты, внучка своей бабки, дочка своей матери, зачем вы обкрадываете себя, проводя божьи дни в пустоте?

— Оно и понятно, я никуда не хожу. Со службы — домой, из дома — на службу. Вечерами обычно сижу дома. Одна, читаю. Отдых — это полезно.

В пространство, освещенное уличным фонарем, влетела бабочка. Машет крылышками, кружится возле яркого света, бьется о стекло, хочет его разбить.

— Поползла я, правда?

— Да. Чудесно выглядишь.

Смотрю на нее: джемперы следует запретить, да и чулки-паутинки тоже следует запретить! У ее бабки не было чулок-паутинок из паутины, и мать ее не носила таких чулок... Так зачем же чулки из паутины — нейлон проклятый! — носить внучке ее бабки, дочке ее матери? Не было этого во времена моего деда, и не заставляло это спотыкаться моего отца, так зачем же терять рассудок, глядя на это внуку моего деда, сыну моего отца?

— Да, ведь ты знаешь, где я живу... — говорит она.

— Откуда же мне знать?

— А, да, не знаешь. Конечно, ни разу не был у меня в гостях. А я здесь живу. Вон там, на третьем этаже. От балкона второе окно влево... Если светится, значит, я дома.

— Спасибо.

— Так ничего и не скажешь, кроме «спасибо»?

Мой дед любил принимать гостей, и мой отец любил принимать гостей, и внук моего деда, сын моего отца, любит принимать гостей.

Мой дед любил ходить в гости. И мой отец любил ходить в гости. И внук моего деда, сын моего отца, тоже любит ходить в гости.

Ибо мы народ гостеприимный. Приходи ты ко мне, и я к тебе приду, друг мой любезный. Приготовлю тебе баранины жареной и вина красного налью тебе, а потом ты мне приготовишь баранины жареной и вина красного нальешь мне.

Маленький белый гостеприимный пальчик грозит. О, должен я, должен ходить в гости,

ибо в гости любил ходить мой дед, в гости любил ходить мой отец...

Обожгло мне руку прощальное рукопожатие.

Странная встреча. И если поглубже поразмыслить, — даже неприятная. Такая встреча может все в жизни запутать. Потом я уже твердо решил: не зайду туда. Ведь я женат, у меня дети есть, я муж и отец, конечно, вы же об этом уже слышали...

А когда опускается вечер, на уме у меня только одно, только одно: нет, не пойду я туда! И тверд я в своем решении, никто меня не переубедит.

Единственное желание — хочу увидеть, светится ли окно.

Не пойду я туда. Но светится ли, это ведь я, пожалуй, имею право увидеть?

Посмотрю вверх: светится! «Держись, не поддавайся!» — звенит в ушах ветер. Пересказывает мне заветы моих дедов, а они были верны своему слову, были, но закрылись их глаза, и ничего уж больше не видят.

Я быстро опускаю веки. А оно светится... и сквозь закрытые веки.

* * *

Это рассказ не обо мне, а то было бы очень неудобно. Я женат, у меня есть дети. Это рассказ о ком-то другом, у которого тоже есть жена и дети, но он не я, а другой. И все, что здесь рассказано, рассказал он, именно он, а не я. Ибо я о таких вещах не рассказываю.

Я еще с ума не сошел.

Перевод с сербско-хорватского
В. КАРЦЕВА.

Фруктовый вредитель.

— Не могли бы вы немножко придвинуть ко мне стол?

Автогонщик: — Может быть, мне сесть за руль, чтобы мы быстрее доехали?

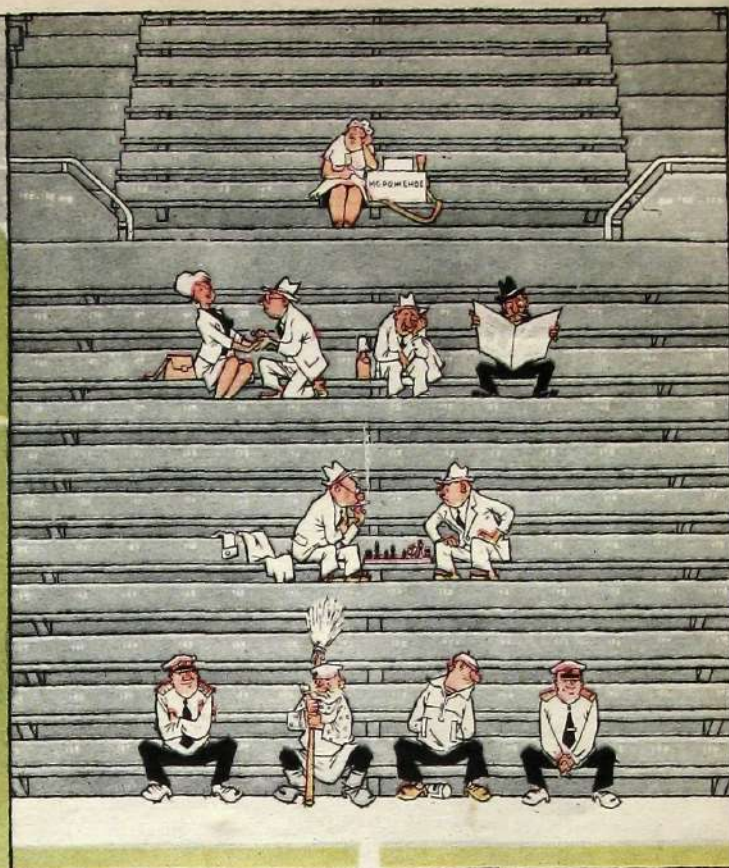

И вот прошли годы...

Играют по системе 1—4—2—4...

И смотрят по такой же системе...

Рисунок Е. МИГУНОВА

Леонид ВОЛКОВ

ЧУТКИЙ, ОТЗЫВЧИВЫЙ ТОВАРИЩ

На экране телевизора развертывалось захватывающее действие. Работники уголовного розыска выследили логово матерого жулика Степана Слизнякова по кличке Кукиш. Ничего не подозревающий Кукиш у себя на даче в Малаховке легкомысленно пил из горлышка «Столичную» и закусывал шестирублевой колбасой.

И вот как раз в тот момент, когда милицейская «Победа» подъезжала с выключенными фарами к даче, в телевизоре что-то щелкнуло, и экран погас. Напрасно я крутил регуляторы и колол по телевизору кулаком — изображение не появлялось. Пришлось вытаскивать телевизор из ящика и искать поломку. Выяснилось, что перегорела лампа.

«Скверное дело, — подумал я. — Пока найдешь лампу в магазине, недели две пройдет. Придется на работе поискать».

На другой день, не заходя в свою лабораторию, я напрямую помчался на склад.

— Здравствуй, Вася, — приветливо встретил меня кладовщик, — как дела, как жизнь?

— Да какие там дела, просто дрянь, а не дела. Я к тебе, Федор Семенович, с просьбой. Не дашь ли мне лампу?

— Смотря какую.

Когда я назвал марку лампы, Федор Семенович даже руками замахал.

— Каждый из вас приходит, и каждому вынь да положи эту лампу. А где я для вас напасусь? Вон сколько у нас лабораторий. На базе третьего дня, можно сказать, с мясом вырвал ящик, а сейчас всего несколько штук осталось. Поаккуратней надо работать, дорогой.

— Если бы мне для работы, — тоскливо протянул я, ерзая на табуретке, — а то, понимаешь, сиюж вчера, смотрю фильм по телевизору, а на самом интересном месте — бац, лампа перегорела. Так и не знаю, чем фильм кончился, взяли того жулика или нет. Такая досада!

— Значит, тебе для телевизора? — заулыбался кладовщик. — Что ж ты сразу не сказал? Что я, не человек, что ли? Раз нужно помочь, помогу. А Степку Кукиша они ловко взяли. Он, конечно, за пистолет, но его тут же скрутили. Попадаются у нас еще жулики! — вздохнул Федор Семенович, подавая мне лампу. — И откуда только берутся?

Я взял лампу, поблагодарил кладовщика и вышел.

Хороший человек Федор Семенович! Чуткий, отзывчивый...

Между прочим

Директор обувной фабрики гордился:

— У нас все на широкую ногу!

— С натяжкой могу поставить вам «удовлетворительно».

— Отлично!

А. ЧЕРНОВ

Директор столовой оказался тверже шницеля. Посетители его ели поедом, но уходили голодными.

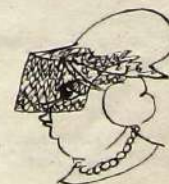
Светильнику разума абажур не нужен.

Завуалированная модница.

Выпускник театрального училища сошел со сцены, так и не поднявшись на нее.

Баснописец писал между строк, но читать там было нечего.

Н. МОНАХОВ

Захотелось мне отведать свежего помидора. Тем более что овощной сезон в самом разгаре. Искал долго. Наконец в одном магазине увидел на прилавке то, что мне требовалось. Но, бог мой, что это были за помидоры: вялые, сморщенные, помятые! Лишь в одном из них, несмотря на тяжкие увечья, угадывалась прежняя дородность, удачная стать.

Купил я богатыря-калеку и принес домой. И уж только было занес над ним нож, как вдруг явственно услышал грустный вздох. Не померещилось ли? Нет, вздох повторился. Я отложил вилку и нож и уставился на странную покупку. Хотите верить, хотите нет, но вот что произошло дальше.

— Не удивляйтесь, — пропихнул Помидор. — Это в самом деле я разговариваю. А зовут меня синьор Помидор. Помните сказку Джанни Родари? Только тот синьор был итальянец, а я отечественного происхождения... Ой, в правом боку больно!

— Кто же так измывался над тобой? — спросил я страдальца. — По футбольному полю тебя гоняли, что ли?

— Эх, лучше и не вспоминать! А впрочем, все равно моя песенка спета. Так уж узнайте напоследок печальную мою историю. Может, другим овощам и фруктам эта исповедь облегчение принесет.

Родился и рос я на привольных кубанских землях, под благодатным южным солнцем. Но вот пришла пора зрелости. И тут появился в нашем колхозе представитель заготовительной конторы. Стали нас всех без разбора хватать и, словно кирпичи, швырять на подводы. Швырнули и меня. Едва я отдышался после стремительного перелета и тяжкого удара, как лихие кони помчали нас вскачь по ухабистым степным дорогам. От бешеной гонки большинство моих родичей на глазах превращалось в томат-пасту. Сам я выжил лишь по счастливой случайности: сверху лежал. Однако и мне намаяли бока.

Наконец доставили нас на пристанционный заготовительный пункт. Здесь — очередная экзекуция: из подвода нас бесцеремонно перекидали лопатами на усыпанные щепой и щебнем приемные площадки. Многие мои собратья шлепнулись прямо на камни, и осталось от них лишь мокрое место. Но меня судьба и на этот раз пощадила: отделался двумя-тремя синяками и ссадинами...

Я с глубоким сочувствием смотрел на мужественного синьора. Между тем он продолжал:

— Это еще не все. Перед отправкой в Москву нас утрамбовали в какие-то древние, закрученные, глухие ящики, оставив без света и воздуха. А ведь слышал я краем уха, будто уже давно издан какой-то приказ, чтобы нашего брата перевозили с комфортом, по принципу: каждому овощу — свое место. Помидоры — в открытых ящиках-лотках, огурцы — в рогожных кулях, картофель — в мешках... Тогда в салат не попадет вялая, сморщенная закружочка вместо хрустящего огурчика, а наш брат, пухлый и сочный помидор, не станет походить на дистрофика.

Упоминание о «каком-то приказе» совсем вывело меня из равновесия. Я тут же позвонил старшему экономисту Центросоюза, ведающему тарой, Варосу Вагаршяковичу Хоециану.

— Все косточковые плоды и помидоры доставляются в Москву только в открытых ящи-

ках-лотках, — радостно отпартовал старший экономист.

— Что на это скажешь? — строго спросил я синьора Помидора.

— Не спешите с выводами, — ворчливо заметил мой странный собеседник. — Позвоните для верности еще куда-нибудь.

Трибуна заготовителя.

Рисунок М. СОКОЛОВА

Я решил связаться с Мосгортплодоовощем. Ответил мне Б. С. Силантьев, контролирующий качество овощей и фруктов. К сожалению, он подтвердил то, что я узнал от синьора Помидора.

Нередко виноград, персики, помидоры и другие нежные плоды все еще доставляют в такой таре и в таком состоянии, что уму непостижимо: в закрытых, глухих ящиках, навалом.

— Сами понимаете, какие это отличные условия для приготовления фруктового силоса, — заметил тов. Силантьев. — Как-то мы получили заколоченные яичные ящики с надписью «Крымская груша «бергамот». Бедную грушу просто-напросто живьем заколотили в гроб. И даже подстлели не положили!

— Кто же прав? — иронически спросил синьор Помидор. — Позвольте уж в таком случае досказать мою историю. Железнодорожный вагон тоже вышел боком. Вагон, в котором мы ехали, до того загоняли по стан-

ционным путям, тупикам, сортировочным горкам, что голова пошла кругом. Многие от сотрясения получили непоправимые увечья. Когда же наконец прибыли в Москву, то почти третья часть помидоров оказалась тяжело травмированной. Ввиду безнадежного состояния их тут же отправили на свалку. Говорят, туда возят загубленные овощи и фрукты вагонами. И не только нашего брата-помидора, но и картошку, яблоки, груши, персики, виноград, арбузы. В общем, богатый натюрморт получается!

Это было уже слишком. Я опять схватился за телефонную трубку. Разговор с Иваном Андреевичем Поляковым — начальником управления Мосгортплодоовощ — кое-что прояснил. И, черт возьми, мой помидор в самом деле оказался весьма сведущим!

Еще пять лет назад заготовительным организациям было запрещено отгружать в Москву, Ленинград и другие города страны «нестандартные» овощи, картофель, фрукты. Но, оказывается, иным хозяйственникам и самые авторитетные указания не указ. И по сей день они без зазрения совести гонят в города все, что попадается под руку. Лишь бы в сводке была солидная цифра.

В прошлом году, например, Москва получила 155 тысяч тонн «нестандартной» продукции. Из этого количества отправлено на корм скоту и вывезено на свалку около 24 тысяч тонн одного только картофеля, более 38 тысяч тонн овощей и фруктов.

Кое-кто от этого, правда, только выиграл. Подмосковные хрюшки, например. Эти лакомки вели роскошную жизнь. Чуть ли не ежедневно получали на десерт фрукты. Сейчас эти милые создания балуются молодой капусткой. Ленкоранские заготовители о них побеспокоились. Недавно прислали в столицу вагон капусты «бычье сердце». Скорее ее можно было назвать «бычий корм», так как съедобных кочанов с грехом пополам набралось что-то около десятой доли.

Заготовителям активно помогают железнодорожники. Они так подбирают вагоны, чтобы картошку вывалить в угольной пыли, арбузы пропитать селедочным ароматом. А недавно начали перевозить зелень в вагонах-баних. Грузят в такой вагон свежую редиску, а прибывает нечто вроде пареной репы. Пальма первенства пока принадлежит тбилисским железнодорожникам, отправившим 18 мая партию свежих овощей для Москвы в вагоне-леднике. Подготовили они его честь по чести: вымыли, смазали. Вот только забыли лед положить. Когда вагон прибыл в столицу, температура в нем была плюс 18 градусов. Овощам от этого, понятно, не поздоровилось.

— Теперь, надеюсь, вам ситуация ясна? — вкрадчиво заключил синьор Помидор. — Собрать бы всех этих злодеев, что губят нас, да задать им жару...

— Ладно, поговорили, и хватит, — сказал я, обмакивая синьора в сметану. Сам же, однако, подумал: «Жаль, что мой вагон не попал на стол хотя бы к двум руководящим товарищам: начальнику управления Союзглавплодоовощ Центросоюза Михаилу Васильевичу Аганину и начальнику Главного грузового управления Министерства путей сообщения Алексею Васильевичу Басову. Полезно было бы им послушать этого мудрого краснощекого чревоушателя».

Г. КРЕСЛАВСКИЙ

Бракодельские частушки

Подарил жене трюмо я.
Та глядит в него,
А там
Искажение такое:
Не жена — гиппопотам!..

Заказала дочь сапожки
И попала в них
Под дождь —
Получилась босоножки
Без союзок,
Без подошв.

Приобрел гамак я летом
И пошел на отдых в лес.
То, что я пишу об этом,
Это значит:
Я воскрес!..

Перевел с башкирского
Иван ЗАКОНОВ.

Покупаем... продаем

Некоторые наивные люди полагают, что торговать — дело нехитрое. Взял что-нибудь, денежки заплатил — вот тебе и покупка. Сдал что-либо, денежки получил — вот тебе и продажа. И не нужно институт кончать для этого.

Как бы не так!

* * *

СОБИРАЙТЕ ПУЗЫРЬКИ!

Вот ведь напрасно старая пословица утверждала: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Неправда это! Можно вполне укрепить свой бюджет не только честным трудом, но и некоторыми вполне разумными и даже похвальными коммерческими операциями. Об этом даже в воронежской газете написано.

Вот, пожалуйста, читайте:

«К СВЕДЕНИЮ ГРАЖДАН!»

Аптеками области, на основании распоряжения Министерства здравоохранения, прекращен прием аптечной посуды, бывшей в употреблении.

Посуда принимается палатками базы Главвторсырья по цене 1 копейка за 10 килограммов. Воронежское областное аптекоуправление».

Ясно? Можно бы, конечно, просто обратиться к гражданам с просьбой, чтобы сдавали они всякие склянки, пузырьки и флаконы из-под духов и одеколона бесплатно.

Но Министерство здравоохранения и начальство из Главвторсырья не хотят этой жертвы, а вступают с населением в нормальные торговые связи на основе взаимной выгоды.

И теперь граждане, набив мешки, авоськи и чемоданы пузырьками, ринутся к палаткам с возгласом: «Кто последний, я за вами!» И будут производить торговые операции. И получать за 10 килограммов пузырьков свою законную копейку.

И нечего смеяться. Потому что за 100 килограммов будет уже 10 копеек. А если сдать тонну пузырьков, — это уже рубль. А если доставить к приемному пункту три пульмановских вагона этих пузырьков, можно свободно купить путевку в Сочи. И еще с проездом туда и обратно.

Главное, не лениться и проявлять сознательность.

ЧУРБАКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Знаете ли вы, что такое «торговое оборудование»? Думаете, весы с разновесами, банки для конфет и перловой крупы? Чепуха. Есть инвентарь посерьезней. Например, чурбаки. Да-да, чурбаки. Эдакие солидные, толстенные кряжи. Для чего? Детский вопрос! Для мяса. Ведь мясо как отпускают покупателям? Кладет продавец на такой чурбак крупную деталь быка или барашка, взмахивает топором и с криком «хак!» отрубают вам совсем не то, что вы просили.

А без чурбаков пришлось бы всем стать вегетарианцами.

Вот почему не так давно в город Хабаровск в адрес базы Дорурса Д. В. Ж. Д. пришел вагон из Москвы от Трансторснаба за № 1399239. А в вагоне был разный груз. В том числе двадцать здоровеннейших чурбаков. По сходной цене — 25 рублей за штуку. Чурбаки, они из чего делаются? Из стволов деревьев. А деревья растут в лесу. А откуда в Хабаровске лес? Уссурийская тайга — это же где-то в Крыму или Белоруссии, а на Дальнем Востоке, известно, — пустыня. Пески. Барханы. Откуда тут лесу быть? Вот и путешествовали эти пни из столицы в Хабаровск. А что всего обидней, — ткнули их легонько, а они рассыпались. Собрались эксперты по этому делу и определили: «Пни гнилые. Для разделки мяса не пригодны».

Вот так. Что теперь делать? Если их списать, как дрова, то по такой цене даже сандаловые дровишки списывать неудобно. Обрати в Москву посылать — совесть не позволяет. Вот они и лежат под навесом и помалкивают. А что они могут сказать? Пень — он пень и есть.

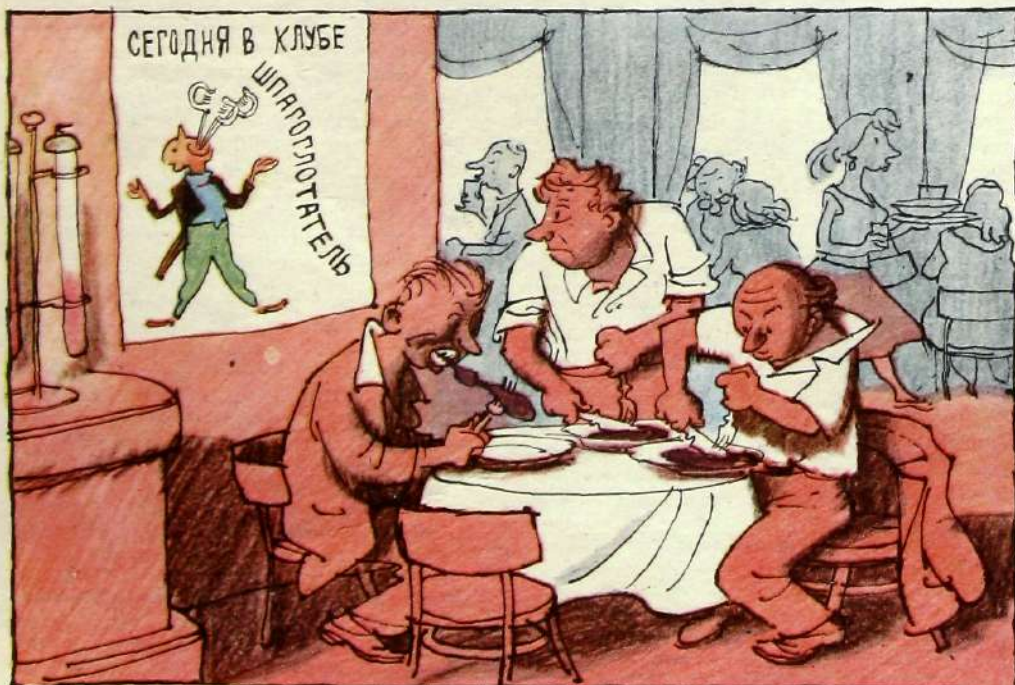
* * *

Вот думают наивные люди, что торговать — дело нехитрое. Как бы не так! Тут ведь тоже все с умом надо делать.

Надо бы.

Так разве его на всех напасешься?

Б. МИХАЙЛОВ

— Это что! Проглотил бы он вот такой шницель!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

МОЧАЛКА-НЕДОТРОГА

Сухумский горпромкомбинат изготавливает из люфы банную мочалку. Внешне как будто все в порядке. Сорт первый. Цена за штуку 1 рубль 20 копеек.

Может, вам покажется, что это дороговато. Но если учесть необычную особенность мочалки, можно не поскупиться и заплатить.

Эта особенность обозначена на ярлыке, приложенном к мочалке: «Хранить в сухом и затемненном месте».

Баню затемненным местом назвать никак нельзя. Сухим — тем более. Да и дома мыться всухую и в темноте вряд ли кто согласится. Выход один: мочалку спрятать в шифоньер, предварительно укутав в черную бумагу, а для мытья своего брэнного тела приобрести другую, обыкновенную, которая не боится ни воды, ни света.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

НА АМБУЛАТОРНОМ ЛЕЧЕНИИ

У супругов Лохматовых занемог петух. Не обыкновенный, что с курами ходит, а петух-индюк... Большой такой, знаете ли, с хоботом на носу...

Неделю не пьет, не ест, вот-вот сохнет. И не знают супруги, куда пойти, кому пожаловаться.

— Что же мне тово... с петухом делать? Не к доктору же с ним идти! — говорит Маркел Иванович.

— Зачем к доктору? — возражает жена. — Доктора не обучены птицам...

Решили они обратиться к аптекарю и попросить для петуха-индюка чего-нибудь укрепляющего. Но аптекарь не понял супругов Лохматовых и лекарства не дал.

Так и осталась неизвестной дальнейшая судьба индейского петуха, которую описал Антон Павлович Чехов в рассказе «Индийский петух».

Но зато нам доподлинно известна судьба не индейского, а простого петуха, того самого, который с курами ходил. Она подробно описана в справке, выданной доктором, специально обученным.

«Справка. Выдана гр. Пугач Ек. Марк. в том, что принадлежащий ей петух красной масти возр. 1 год находился на амбулаторном лечении 16/IV. Диагноз: лобон (ушибы). 17/IV петух пал по причине: сильные ушибы — сепсис. Ветврач — Носачев».

Да и хозяйка петуха не в пример супругам Лохматовым знала, что ей делать, получив такую справку. Она затеяла тяжбу с соседом об убийстве петуха красной масти».

И у местных судебных органов теперь работы заметно прибавилось...

А случилась вся эта история в Володарском районе, Донецкой области.

В. СИНЦОВА

Почем штука?

В отделении связи поселка Бестях (Якутская АССР) был вывешен уникальный документ. Приводим его текст полностью:

«Объявление. На почте п. Бестях имеются в продаже артисты, переводные картинки, открытки, детские книги и художественная литература. Почта».

Жаль, что не указана цена на артистов. Почем они нынче в Бестях? Чтобы в случае чего не переплатить. Уж очень необычный товар.

М. ЗИМИН

СИМ ИЗВЕЩАЕМ...

Рассказывают: в Кемеровской области один человек помер не сходя с места. Сограждане облекли его доверием, избрали народным заседателем Кемеровского областного суда. А вскоре случилась такая бумага:

«Судебная повестка по уголовному делу. Постоянная сессия областного суда вызывает Вас к 10 часам в качестве народного заседателя по адресу: нарсуд города.

Секретарь суда: (подпись неразборчива)».

Вообще-то гражданин этот умер не совсем, он просто впал в шоковое состояние.

И согласитесь: это естественно. Допустим, вы выиграли в лотерею лобзик, и на ваше имя вдруг приходит пакет с черепом и костями: «Сим извещаем Вас, что к такому-то, такому-то, Вам надлежит явиться в сберкасса на предмет установления личности и получения лобзика».

Поневоле будет шок. Тем более, что эта злобная мода укрепляется в Кемеровской области. С легкой руки старших коллег из облсуда городские вершители юстиции тоже вызывают заседателей уголовными повестками.

Хоть стой, хоть падай!

Вл. МИТИН

— Эй! Вы забыли ребенка!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

На маскараде.

Рисунок М. УШАЦА

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ И КОМЕДИИ, написанные М. Зощенко в последние 20 лет его жизни, составили новый одиотомник. Его издатель — «Советский писатель».

«ПОРТРЕТ» — юмореску С. Михалкова с рисунками А. Баженова выпустил в свет «Художник РСФСР».

Библиотека Крокодила пополнилась сборником юмористических рассказов и фельетонов М. Семенова «ДАВАЙ, ДАВАЙ!».

Гиньяры — три автора (М. Гиндин, Г. Рябинин и К. Рыков), которых исполнилось недавно — всем вместе — сто лет и которые сочинили — опять же вместе — несколько программ для Ленинградского театра миниатюр. Сборник их произведений «ВТО ВРЕМЯ, КАК...» выпущен издательством «Искусство».

«КОРОТКОЙ ОЧЕРЕДЬЮ» стихов и прозы выстрелили по халупам, тунейцам, лжеученым, бракоделам 15 сатириков, работающих в Донецкой и Луганской областях. Одноименный сборник их произведений вышел в Донецке.

«ЛИЧНАЯ НАЛАНЧА ГАВРИЛЫ КВАЧА» — сатирическая поэма украинского писателя Н. Карпенко — вошла вместе с циклом его стихотворных юморесок в книгу, изданную «Молодь».

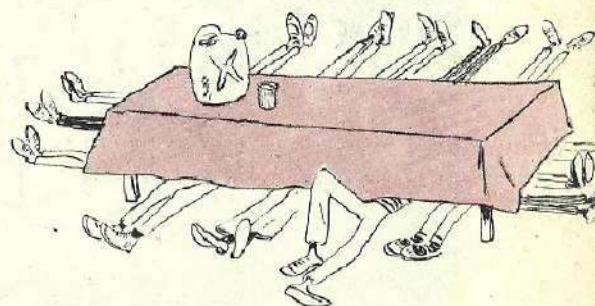
КОМЕДИИ Ц. Солодаря изданы «Советским писателем». Одноактные комедии В. Щеголева — «Радянський письменник» (Київ), Сатирическая комедия П. Дудко «ЧЕРТОВА ДЮЖИНА» — Госиздатом БССР.

«ПОРΟΣЕНОК С ЛУЧКОМ, БАБУШКИН КВАС, ТАНЕЦ КРАСАВИЦ И ЕЩЕ 30 РАССКАЗОВ С ЛУЧКОМ И ПЕРЧИКОМ» написаны воронежцем В. Естухенко и предложены читателям областным книгоиздательством.

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПРАВЕДНЫМ», можно в основных чертах узнать, прочитав выпущенный Челябинским книгоиздательством первый сборник фельетонов местного журналиста Г. Дмитриева.

«БЕЗ НАМЕКОВ» написал свои стихотворные фельетоны, шутки и басни И. Леонидов. А выпустило их Архангельское книгоиздательство.

На латышском языке вышел в Риге сборник юмористических рассказов М. Бирза «НЕПРАВИЛЬНИЙ ДИАГНОЗ». А в Виленском издании на литовском языке сборник фельетонов Л. Юрзенаса «ПЕРВОЕ ПРЕГРЕШЕНИЕ» и Л. Кляулейниса «БЕЗ МАСКИ».

Собрание автолюбителей.

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 29. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00109. Изд. № 1097.

Подписано к печати 19/VI 1963 г. Формат бум. 70x108/16. Тираж 1 700 000 экз.

Заказ № 1527. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СТОЛПЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Рисунок Ю. ГАНФА